

Я никогда не мечтал о зрелищах. Зато мечтал о приключениях. Думаю, каждый мальчишка мечтает об этом, и я никогда не забывал об этой мечте, даже когда стал старше.

Но одно дело представлять себе, как переносишься в другое измерение или в другой мир, и совсем другое, когда это происходит на самом деле. Поразмыслив над происшедшим, я теперь думаю, что лучше бы я перед этим доел до конца свой киш, но теперь ничего не поделаешь.

День 1

Когда я оказался в другом мире, я сразу же это понял по ряду признаков. Первый: я абсолютно уверен, что в фуд-корте не могло появиться ни травы, ни деревьев. Во-вторых, здесь вообще абсолютно всё было по-другому.

Мне сразу показалось, что воздух пахнет странно. Можно было бы подумать, что в первую очередь я обращаю внимание на солнечный свет на своей коже, но в первую очередь обратил внимание на разительную разницу в запахе ветра. Это как... честно говоря, это как разница между жизнью в загрязнённом городе, таком как Нью-Йорк - нет, не так, в очень загрязнённом городе, вроде Гонконга или Пекина - в течение нескольких месяцев и поездкой туда, где воздух чистый и свежий.

У воздуха есть качество. В плохих местах, таких как аэропорты, он пахнет стерилизацией и затхлостью, и это вдвойне относится к самолетам. В загрязнённых местах этот запах более, можно сказать, всепроникающий; через некоторое время к нему привыкаешь, но туман

проникает в лёгкие, затрудняя дыхание.

Разница между чистым и загрязнённым воздухом ощутима даже для тех, кто не обращает на неё особого внимания. Но разница между относительно чистым фуд-кортом и тем местом, в котором я сейчас находился?

Невообразима.

Я огляделся вокруг, всё ещё держа киш с беконом в одной руке, а трость в другой. Мне кажется, я должен быть вне себя от испуга, но, честно говоря, мне не хочется начинать бегать. Я не могу сказать, что сейчас вокруг меня, помимо того, что я стою на траве, и мне бы не хотелось влететь в дерево, если таковые здесь есть.

Если вы ещё не догадались, я слепой. Не в переносном смысле, коих существует множество оттенков, а буквально. Я ничего не вижу. Ни черноты, ни разницы между светом и темнотой... ничего. Это меня устраивает, но большинство людей, которых я встречал, раздували из мухи слона по этому поводу.

Обычно у меня нет проблем, куда бы я ни пошел. У меня хорошие друзья, мои родители крайне заботливы, и я всегда могу спросить дорогу или попросить помощи в трудную минуту.

Трудную минуту, как сейчас. Единственная проблема заключалась в том, что у меня складывалось отчётливое впечатление, что я здесь один. Моя лучшая подруга Зои больше не сидела за столиком в нескольких футах впереди меня, и я слышал пение птиц.

Я осторожно прошелся тростью по земле вокруг себя, приостанавливаясь, когда чувствовал грязь на кончике и траву. Это точно не керамическая плитка. Либо кто-то невероятнейшим

образом разыгрывает меня, либо...

— Эй? Зои? Здесь кто-нибудь есть?

Никакого ответа. Это похоже на дурной сон, такой, какой у меня был в детстве, когда я потерялся в огромном здании без трости и никого вокруг. Только тогда я всё время представлял, что ко мне что-то подкрадывается, и было темно.

— Эй?

Это... место было явно где-то на свету. Я чувствовал солнечный свет на своей коже, и я почти уверен, что сейчас раннее утро, судя по росе на траве. Я узнал об этом, когда попытался присесть.

Некоторые люди сходят с ума, когда случается что-то неожиданное. Если бы я был кем-то другим, я мог бы начать бегать вокруг с криками или паниковать. Но бытие слепым учит, что наткнуться на вещи на большой скорости - плохая идея. К тому же, у меня до сих пор в руках киш.

Я положил его на колени, сидя и размышляя. Ну, я в другом месте. Не в торговом центре. Я мог бы заподозрить розыгрыш, но Зои и близко не настолько жестока, и я не то чтобы терял сознание или отвлекался. Я буквально только сделал шаг и оказался...

Здесь.

— Это лес? Или луг? Пешеходная тропа?

Я осторожно прикоснулся к траве и земле. Ага. Это похоже на утреннюю росу. Трава длинная и некошенная... Ещё один признак? Я явно не на чьей-то лужайке. И тут я нашел цветок.

Он казался мягким под моими пальцами. Лепестки почти прилипли к моей коже, и я отдернул руку, когда осознал, что головка цветка мокрая. Что с этим цветком? На него нагадила птица или что-то в этом роде?

— ...Нет. Нектар.

Запах был сладким и странным, не похожим ни на что, что я когда-либо чувствовал в своём мире. Я уже пришёл к выводу, что это другой мир, но теперь я чертовски уверился в этой мысли.

Запах цветка был пряно-сладким, но и тёмным, если в этом есть смысл. Он пах чем-то тёмным, как я представлял себе оттенок, который видят люди... Не то чтобы я когда-либо видел его сам. Но я могу представить себе тень... влажную, ползучую штуку, широкую, как океан, которая всасывает солнечный свет. Это было ближайшим описанием запаха этого цветка.

Он не похож ни на что, что я когда-либо чувствовал раньше, а у меня хорошая память. Я бывал в огромных оранжереях и даже цветочных садах в разных странах мира – сады Кёйкенхоф в Нидерландах были моими любимыми – и я никогда не сталкивался с этим уникальным запахом.

Я осторожно протянул руку и взял цветок. Мне было немного не по себе, но я должен прикоснуться к нему, почувствовать его. Я знал, что он может быть ядовитым, но мне всё равно. Я снова почувствовал его запах и на этот раз понял, что серединка цветка

действительно липкая от нектара.

Осмелюсь ли я попробовать его на вкус? Нет, наверное, это слишком рискованно. Но это подтверждало мою теорию. Я нахожусь где-то в другом месте, и со мной произошло что-то... странное.

— Магия? Телепортация? Какая-то сверхъяская галлюцинация?

Это не могло быть реальностью. Но какая-то часть меня шептала: «Да, это реально». Реально.

Это реальность. Ты в другом мире.

И это заставило меня улыбаться, даже ожидая, что в следующую секунду занавес упадёт, или окажется, что меня обманули. На секунду я поверил.

Воздух пах по-другому. Чище. Даже слаще. Даже солнечный свет казался... странным. Я мог поклясться, что в Сан-Франциско было довольно тепло - настолько тепло, что мы с Зои пошли в торговый центр, чтобы насладиться прохладой - но теперь всё чувствовалось как хрустящий осенний день.

Мои волосы ерошил ветерок. Я чувствовал запах травы и этот странный потусторонний запах цветов, которых я никогда раньше не встречал. И слышал птичье пение вдалеке. Хотя бы оно звучало нормально.

Это такой приятный день. Я мог бы встать и пойти в неизвестность, но вокруг была мягкая трава. Может быть, я сейчас сижу на краю обрыва и никогда об этом не узнаю. Но здесь хорошо.

Как долго я сидел здесь, держа киш на коленях, просто слушая ветер и птиц? Час, наверное. Я сидел и слушал, и всё больше убеждался, что нахожусь в другом месте. В каком-то особенном месте.

И тогда я услышал голос. Сначала он был далёким, а потом стал громче, сопровождаемый треском веток. Что-то застонало, и я услышал удар где-то слева позади себя.

Я немного заволновался. Ладно, шаг в другой мир – это неприятно внезапный опыт, но я сохранял спокойствие, рационализируя его как нечто, похожее на Платформу 9 и $\frac{3}{4}$. Тем не менее, встретиться с монстром не мечтает никто.

Или с медведем. Лес + что-то большое = медведь в моём понимании. Но у этого медведя был голос. И он звучал расстроено.

Позади себя я услышал, как нечто остановилось, а затем услышал звук, похожий на всхлип. Это меня немного успокоило, но затем я практически почувствовал, как что-то ударило что-то ещё. По звуку было похоже на дерево, ветви которого зашуршали от удара.

Это человек? Я прислушался как мог. Вопреки распространенному мнению, слепота не наделила меня сверхъестественными чувствами. Я просто использовал то, что у меня есть более эффективно. Я мог разобрать звуки... Да, кто-то плакал. У этого кого-то глубокий голос, поэтому он и звучал так странно. И он икал.

Я уже немного сочувствовал этому человеку, застигнутому горем, хотя стук мне не нравился. Если он бил по дереву, то я слышал, как это дерево раскалывалось от ударов.

Но ничего не поделаешь. Я встал и повысил голос:

— Эй? Здесь есть кто-нибудь? Вы в порядке?

Плач тут же прекратился. Я услышал звук, похожий на вздох. Я снова окликнул, поворачиваясь к тому месту, где услышал человека:

— Кажется, я заблудился. Простите, но вы можете мне помочь?

— Помочь? Я иду!

Это человек! Никогда не думал, что это станет главным событием моего дня. Но это не просто человек, это, по-видимому, женщина. По крайней мере, голос у неё женственный, пусть и очень глубокий; не то чтобы я возражал против этого. Он звучал успокаивающе.

Сразу же после того, как она заговорила, таинственная особа побежала ко мне. Я слышал, как она пробиралась сквозь ветки, направляясь в мою сторону.

— Я здесь! В чём про... ох!

От её шагов земля слегка содрогалась, когда она подошла ближе. Я стоял на месте, пытаюсь как можно лучше её прочувствовать.

Тяжелая. Она определенно такая. И большая; это моё общее впечатление. И она пахнет. Не воняет, но она пахнет... думаю, не совсем обычно – это лучшее описание. Несмотря на нотки пота, запах не казался неприятным.

А потом она снова заговорила, и я услышал беспокойство в её тоне. Голос глубокий, но ровный, и у неё хорошая дикция; редко можно услышать кого-то с настолько чётким произношением как у неё:

— Я здесь. Вы заблудились, незнакомец? У вас ранены глаза? Вы держите их закрытыми.

— Что? Нет. Я...

Я слегка приподнял трость и почувствовал, как она отшатнулась. Я услышал, как она сделала шаг назад. Она подумала, что я собираюсь ударить её? Я опустил трость и поднял руку.

— Прошу прощения. Я слепой. Это моя трость для ходьбы.

— Вы не видите?

Её голос звучал потрясённо. Она не узнала мою трость, хотя они довольно распространены...
неужели я действительно в другом мире?

— Абсолютно ничего. Я не могу вас видеть, но могу слышать.

Вдох-выдох. Я чувствовал, что тот, кто стоял передо мной, огромен, или, как минимум, обладает впечатляющими лёгкими.

— Вы не видите моего лица?

— Нет. Что-то не так?

Тишина. А потом...

— Нет. Ничего.

Я улыбнулся. Я не уверен, улыбнулся ли я именно ей, но это помогло. Это всегда помогает.

— Это хорошо. Я услышал вас и не хотел отвлекать, но у меня небольшие проблемы. Меня зовут Лейкен Годарт.

Я протянул руку и почувствовал её нерешительность. Но затем мою ладонь обхватила рука.

Большая рука. Но рукопожатие было настолько нежным, что я почти ничего не почувствовал.

— Меня зовут Дюрен. Как вы здесь оказались, мистер Лейкен?

Мистер Лейкен? Как странно. Есть ли хоть одна страна, о которой я знаю, где до сих пор используется подобное обращение? Я горько улыбнулся.

— Я не совсем уверен, как я здесь оказался. Я был в торговом центре и, наверное, свернул не туда? Что-то случилось, потому что я внезапно оказался здесь.

— Торговый центр? Я никогда не слышала о таком городе. Прошу прощения.

Мои брови взлетели вверх. Либо она гениальный актёр, и это величайшая симуляция всех времён, либо она серьёзно.

— Вы можете сказать мне, где я нахожусь?

Думаю, она кивнула. Мне говорили, что люди часто так делают, хотя я понял этот жест только после того, как кто-то показал мне, как именно они двигают головой.

— Вы недалеко от деревни Риверфарм. В лесу, если точнее.

Риверфарм? По крайней мере, я был прав насчёт леса.

— Это рядом с городом? Я только что был в Сан-Франциско и понятия не имею, как я попал сюда.

Ещё одна пауза.

— Простите, но я не знаю, где это. Это большой город?

— Очень большой. А какой самый большой город рядом?

— Это Беллс. Но до него больше тридцати миль.

— ...Это где-нибудь в Америке?

— Америке?

...

Возможно, это просто сон. Или психическое расстройство, хотя психиатр, которого наняла моя мама, последние несколько лет давал мне совершенно чистое заключение. Это может быть чем угодно, но чего я действительно хочу, так это чтобы всё это было реальностью.

— Прощу прощения, Дюрен, я сейчас могу показаться вам странным, но... Не могли бы вы сказать мне, какой сейчас год? И в какой я стране?

— Страна? Год? Я... не слежу за годами. Думаю, мы где-то в 22 году П.П.? И, эм, у нас нет государства. Никто не правит Риверфармом, кроме главы деревни.

— Боже мой. Я действительно в другом мире.

— Что?

— Точно. Дюрен, я выгляжу... необычно для вас?

Пауза. Я почувствовал, как она медленно приблизилась. Я не мог сказать наверняка, но мне казалось, что она рассматривала меня с ног до головы.

— Ну... Ваша одежда немного странная. Необычная. На вашей рубахе странный символ в виде треугольника. Он выглядит... красочно.

Я улыбнулся, совсем чуть-чуть. То, что я слепой, означает, что моё чувство стиля немного искажено. Я знаю, что на мне шорты и футболка, очевидно, с логотипом глаза иллюминатов. Зои сказала мне, что это выглядит хорошо, но у меня есть причины сомневаться в её чувстве моды.

— Вы когда-нибудь видели что-то подобное раньше?

— Не такое яркое. Вы из знатного рода? Торговец, продающий ткани?

— Нет. Я просто слепой. И мне кажется... да, мне кажется, что я очень далеко от дома.

— Ох. Мне очень жаль.

Я пожал плечами.

— Это не ваша вина. Я думаю. Но если всё же ваша, я бы хотел получить объяснения.

— Что? Нет! Я бы никогда...

Она так легко расстраивается. Это заставило меня почувствовать себя немного виноватым.

— Простите. Это была шутка.

— Ох.

Что сказать? Обычно я хороший собеседник. Или, как минимум, я всегда могу найти, о чём поговорить, даже если это не очень хорошо воспринимают.

— Я слышал, как вы плакали. Вы в порядке?

— Я?

Я знаю, что такое румянец смущения. Судя по описаниям других людей и по тому, как я коснулся одного знакомого, который покраснел, я представлял себе так, что в этот момент лицо заливают жар. Именно так я это почувствовал, и, подозреваю, именно это сейчас и происходило с Дюрен.

— Это... Не берите в голову. Я просто была расстроена, вот и всё. Я не думала, что рядом кто-то есть.

Её голос огрубел от эмоций. Я выдержал паузу, но почему бы не развить тему? Если ничего не делать, то и ничего не получишь. Это я усвоил давно.

— Если вам не хочется говорить об этом, то это нормально. Но если хотите...

— Нет.

Я кивнул. Но я почувствовал, что она колебалась. Поэтому я ждал.

— Кое-кто меня обозвал. Вот и всё.

— Ах.

Сколько лет, столько чувств может вместиться в одно слово. Я повернулся в её сторону, и я знал, что она смотрит на меня. И тут я услышал нечто забавное.

Грохот. Урчание. Огромный желудок. И я вспомнил, что я держал в одной из рук. Я улыбнулся, даже когда почувствовал, как Дюрен сдвинулась и, предположительно, покраснела.

— Дюрен, не хотите ли вы разделить со мной этот киш?

— Вы уверены?

— Почему бы и нет? Давайте посидим и поговорим. Вы кажетесь милым человеком.

Я сел на землю. Секунду спустя я почувствовал, что кто-то сел рядом со мной. У меня не было вилки, но мне не составило труда вынуть киш из жестяного контейнера и разломить его на части. Я отдал большую часть Дюрен, несмотря на её протесты, и мы ели, сидели и разговаривали.

Так я встретил Дюрен и познакомился с другим миром. Как я уже говорил, мне бы хотелось доесть свой киш перед этим. На тот момент он был едва тёплым, но, по крайней мере, компания была приятной.

День 2

Когда я проснулся, я в который раз убедился, что нахожусь в другом мире. Я был спокоен.

Это слегка удивило Дюрен, когда она обнаружила, что я не сплю и спокойно исследую её дом. Она жила в довольно большом доме рядом с ручьём. Я пока не мог представить его целиком, но мои исследования и её описания здания дали мне ощущение, что он построен из дерева и грубого камня и тщательно залатан, дабы избежать проникновения стихий или природы. Каменный пол лишь слегка шероховат, я это чувствовал моими босыми ногами, а в единственном окне нет стекла.

Проще говоря, это средневековое здание, и, судя по тому, что Дюрен рассказала мне во время нашей вчерашней многочасовой беседы, это средневековый мир. С магией. И лишь с ограниченным пониманием технологий. Она была поражена, увидев мою трость из

стекловолокна; она не уставала удивляться по поводу материала, словно он был совершенно чужд этому миру, что в некотором смысле было правдой.

Теперь я сидел за столом, чувствуя себя карликом на стуле, на который меня усадила Дюрен, пока она хлопотала на кухне. Я чувствовал запах чего-то готовящегося, похоже, она готовила яичницу. Аромат тёплого хлеба уже заполнил мои ноздри.

— Вот, мистер Лейкен. Простите, он немного подгорел.

— Пахнет вкусно. И зови меня просто Лейкен.

Я услышал и почувствовал, как передо мной поставили большую тарелку. После осторожного исследования вилок я нашел яйца - только слегка жидковатые - и поджаренный хлеб. Да, он был слишком хрустящим, но всё было очень вкусно, о чём я и сообщил.

— Спасибо, что разрешила мне переночевать здесь. Кажется, я занял твою единственную кровать. Прошу прощения.

— Ох, нет! Ничего страшного. И мне нравится спать на улице.

— Милая обманщица.

Что ж. Думаю, это первый раз, когда я так быстро заставил кого-то замолчать. Я услышал, как она сдвинулась, прочистила горло, а потом выпалила:

— Разве ты не волнуешься?

Я вскинул бровь. Я понятия не имел, хорошо ли это выглядит, но друзья заверили меня, что да, и я влюбился в эту идею, прочитав историю, где главный герой сделал подобное с большим эффектом.

— О чём?

— Ну, ты сказал, что потерялся. Совсем один. В другом... другом мире? Как ты так спокоен?

Это заставило меня улыбнуться. Может, я и выгляжу спокойным, но я провёл большую часть прошлой ночи, пока Дюрен храпела снаружи, весь на нервах, и пытаюсь подтвердить, что у меня действительно нет галлюцинаций. У меня до сих пор рука болит после всех тех раз, сколько я себе щипал.

— Какой смысл переживать? На самом деле, я больше в восхищении, чем в волнении. Я в другом мире, в мире с магией. Там, откуда я родом, магии нет.

— Но ты рассказывал мне, что у вас так много странных вещей. Например, эти «машины» и «торговые центры». Это звучит удивительно.

— Честно говоря, я удивлён, что ты мне веришь. Если бы я услышал, как кто-то говорит о моём мире, я бы решил, что он сумасшедший.

— Но от тебя это звучало настолько реально. И эта твоя палка, которая складывается...

Ещё одно невероятное изобретение по её меркам. Думаю, именно оно убедило Дюрен в том, что я из другого мира. Это и мой айфон. Думаю, Сири скорее напугала Дюрен, чем что-либо другое.

Да, оказалось, что у меня нет беспроводной связи, а без батареи я отключил Сири, чтобы сэкономить энергию. Но наличие айфона, даже с ограниченными возможностями, удивительно полезно в ситуации выживания, в которой я оказался.

Как и наличие друга. Я улыбнулся Дюрен.

— Я не думаю, что мой мир такой уж особенный. Но я крайне рад, что ты нашла меня, Дюрен. Я всегда убеждался, что большинству незнакомцев я могу довериться.

Ещё одна пауза. Ещё один гипотетический румянец.

— Правда? Но ты даже не видишь... И ты просто доверился моей помощи. Я могу быть...

Она сделала паузу.

— Кем-то плохим.

— Но это не так. И у меня хорошее чутьё на окружающих, или, по крайней мере, мне нравится так думать. Ты кажешься очень хорошим человеком, Дюрен.

— Я... Спасибо. Но ты не видишь...

Я криво улыбнулся.

— Я кое-что заметил. Например, я знаю, что ты выше меня. И сильнее. И у тебя мозоли на руках, и у тебя здесь стол треснул... и что ещё у тебя большой аппетит.

Честно говоря, трудно не заметить, как она поглощала еду. Дюрен сдвинулась на своём стуле, заставив дерево скрипнуть.

— Прости.

— Что? За что ты извиняешься?

— Эм...

— Мне очень понравилась яичница с тостами. Ты сама собрала яйца?

Думаю, на этот раз она кивнула, потому что наступило некоторое молчание, прежде чем она заговорила:

— Ох! Да! Я много ем. У меня большой огород, и я развожу кур, свиней и других животных. Но я не могу хорошо готовить, потому что у меня нет Навыков.

— Слишком самокритично, как по мне. Мне твоя еда показалась вкусной.

Молчание. А затем...

— Спасибо. Но мне всё равно приходится покупать много еды. Деревенские жители продают мне много того, что я не могу приготовить сама.

— Так ты живёшь в деревне? Сколько в ней людей?

Может показаться странным, что мы не обсуждали это вчера. Что ж, нужно было выслушать много объяснений и подтверждений, когда ты думаешь, что попал в другой мир. Ещё одна часть – убедить испуганную девушку, что ты не запер человека в своём айфоне.

Она молода? Дюрен звучит так, словно она немного моложе меня. Разумеется, я не умею определять возраст, поэтому она может быть как моей ровесницей, так и ещё подростком. Девушки взрослеют быстрее, чем парни, в конце концов.

Вернёмся к разговору. Дюрен жила в маленькой деревне, в которой было около шестидесяти душ, большинство из которых обитали близко друг к другу. Она располагалась на прекрасном участке плодородной земли, которую питала река, отсюда и название - Риверфарм. Люди выращивали урожай и разводили скот... У них был кузнец и специальный человек, который ездил в город торговать от их имени, причём этот человек обладает наибольшими навыками в купле-продаже.

Люди в этой деревне жили большими семьями. Дети, когда вырастали, часто уезжали учиться ремеслу в другие города или же оставались и перенимали занятия родителей. Редко можно увидеть хоть одно новое лицо за месяц, не говоря уже о группе людей, не считая авантюристов или время от времени Бегунов.

О да, в этом мире есть авантюристы и самая странная почтовая служба, которую я только мог себе представить. Но во всех объяснениях Дюрен меня зацепило нечто странное... отсутствие деталей. В частности, её самой.

Дюрен ведь жила в деревне. А с её слов, единственные люди, которые здесь живут одни, - это холостяки, старые девы или те, кто потерял своих партнёров. Но Дюрен слишком молода, чтобы подходить под эти критерии, и она сказала мне, что никогда не встречала авантюристов, несмотря на то, что они очень популярны среди детей.

Чую крысу. И Дюрен. Она всё ещё пахнет... не так. Если бы я встретил других людей, то, возможно, понял бы, что в ней не так, а пока я просто поддерживал разговор и рассказывал ей немного о том, откуда я родом.

Вот я, Лейкен Годарт, слепой сын двух довольно обеспеченных родителей, одна из которых адвокат, а другой бизнесмен. Я побывал во многих местах, о которых Дюрен даже не слышала, и я слепой. Это основное описание, но ключ к тому, чтобы продать себя подороже - это приукрашивание.

И слишком скоро я обнаружил, что большой завтрак Дюрен повлиял на меня ещё одним образом. Я вежливо прокашлялся.

— Эм, Дюрен? Не сможешь мне снова добраться до туалета?

Да, неловко просить о помощи в таком деле кого-то, с кем ты буквально только-только познакомился, но я привык к этому. Не хочу же я опять зайти в женский туалет, правда? Но люди всегда были очень тактичны в те два раза, когда я делал это случайно.

В любом случае, всегда легче попросить помощи, тем более, что любая дверь может оказаться неправильной. И Дюрен была только рада помочь.

— Без проблем. Сюда... упс! Давай я просто отодвину это в сторону... Дверь здесь.

Она очень деликатна. Обычно людям трудно направлять меня, но она быстро освоилась. Она позволила мне ухватиться за её руку – я чувствовал, как перекачивались её мышцы при каждом движении – и пошла вперёд в достаточно быстром темпе.

Мне не трудно было передвигаться, и я чувствовал, идёт ли путь под уклон или что-то обходит. Для меня это естественно, и как только я объяснил это Дюрен, она быстро поняла, как с этим работать.

Её туалет – это сортир, расположенный за пределами её дома и в некотором отдалении от ручья. Ей пришлось подождать меня на почтительном расстоянии, но я надолго не задержался. Возникла только одна проблема.

— У тебя есть туалетная бумага? Что-нибудь, чем можно подтереться?

— Я принесу немного листьев!

— Листьев? Эй? Дюрен?

Оказывается, туалетная бумага - это такая редкая роскошь, что Дюрен никогда о ней даже не слышала. Но листья, которые она мне дала, были вполне пригодны, и моя задница не слишком жаловалась.

Сортир был, безусловно, сортиром в том смысле, что я знал, что подо мной нет воды, когда бросал листья вниз. Но пах он хорошо; Дюрен положила туда какую-то душистую траву, чтобы отгонять запахи. Я высказался по этому поводу, когда уходил:

— Твой дом очень приятное место, Дюрен. Мне даже завидно.

— Ничего особенного. Правда. Он... грубый.

— Я так не думаю. Но, эм, у тебя есть место, где я могу помыться? И мыло?

— Мыло?

Мне потребовалось время, чтобы донести до Дюрен основную идею гигиены. Это было моим первым беспокойством. Но она вскипятила для меня воду, и когда я убедился, что она не обжигает, я ею воспользовался.

— Тебе действительно следует мыть руки, Дюрен. В моём мире бесчисленное количество людей умерло в прошлом, потому что они не следили за своей чистотой.

— Правда?

Удивительно, лестно и печально, как Дюрен принимает все мои заявления за чистую монету. Я рассказал ей о Чёрной чуме, и спустя несколько минут она уже клялась заказать мыло в следующий раз, когда кто-нибудь поедет в город.

Не успел я оглянуться, как наступило время обеда. Мне бы не помешало перекусить, и Дюрен водила меня по саду, давая потрогать растущие растения и пучок картофеля, который она выдернула.

Но потом мы столкнулись с проблемой. Дюрен отправилась на кухню, чтобы приготовить картофель, а я остался сидеть снаружи и слушать. Но уже спустя двадцать минут я осознал, что что-то не так. Я слышал, как она старалась вести себя тихо, но грохот и запах горелого не так-то легко скрыть.

— Дюрен? Всё в порядке?

— Я... Прости.

Когда она вышла и сказала мне, что испортила картошку, в её голосе была слышна какая-то запинка. Я не совсем понял, что произошло, но если бы в её доме была пожарная сигнализация, то она бы уже завывала. Дюрен даже не дала мне осмотреть испорченную еду; видимо, она настолько подгорела, что её просто выбросили на улицу свиньям.

— Я не умею готовить картошку. Мне очень жаль. Я обычно ем её сырой.

— Ну это никуда не годится. Давай я тебе помогу.

— Поможешь? Но ты...

— Я не могу видеть, но я умею готовить. Пойдём!

Я протянул руку, коснувшись её руки. Её рука большая, и она мгновенно отшатнулась. Но я успокоил её и повёл обратно на кухню.

Готовить, одновременно обучая кого-то другого, - странное занятие. Странное, но весёлое. Сначала только для меня, но потом и Дюрен втянулась.

Мы готовили соте из картофеля. Это простой рецепт, но сначала мне пришлось показывать Дюрен, как правильно резать. Я услышал, как она дважды порезалась, прежде чем понял в чём дело.

— Вот так, видишь? Если ты нарезаешь листья, как у этого розмарина, делай это вот так.

Дюрен ахнула, но я приложил нож к костяшкам пальцев и провёл им по разделочной доске, медленно нарезая травы на маленькие кусочки.

— Легче лёгкого. Не волнуйся; даже если ты не видишь, то порезаться так не сможешь, понимаешь?

— Да! Это невероятно!

— В этом ничего особенного. Правда. А теперь давай займёмся картофелем, хорошо?

— Хорошо. Нарезанный картофель... здесь. Мы его сварим?

— Верно. Вода закипела? Ты добавила соль? Бросай их туда. Пусть проварятся там около четырёх минут, хорошо? Так. Где сковорода?

— Я положила масло.

— Теперь картофель. Плоской стороной вниз. Вот так. Разве не вкусно звучит?

Шипение масла заставило мой желудок проснуться. Я улыбался, слыша, как Дюрен неуклюже передвигала нарезанный картофель по сковороде.

— Корочка хрустящая золотисто-коричневая? Хорошо, давайте уменьшим жар. Теперь... немного масла. Самую малость... и розмарин... Разве не вкусно пахнет?

— Да! Очень!

Успех. Мы сели за стол, и Дюрен ела свою порцию так, словно это лучшая еда, которая когда-либо у неё была. Очевидно, так оно и было.

— Я никогда раньше не готовила ничего подобного. У тебя есть Навык? Должен быть!

— Я бы не назвал это навыком. Я просто выучил это от великого шеф повара.

Спасибо Гордону Рамзи. Я не мог видеть, как шеф-повара готовят, но я люблю тех поваров, которые точно рассказывают мне, что делают.

— Ты [Шеф-Повар]? Это твой класс?

Странная постановка вопроса. Я пожал плечами, немного смутившись.

— Я хотел стать профессиональным шефом, а потом профессиональным кулинарным критиком, когда был моложе. Я отказался от этого, когда узнал, что кто-то другой уже стал слепым

Мастершефом. И, надо сказать, я не так уж хорош в кулинарии.

— Но это...

— И близко не так хорошо, как то, что могут приготовить профессиональные повара, поверь мне. И всю тяжелую работу проделала ты.

— Но ты так много знаешь.

Мне захотелось немного поёрзать от смущения.

— Я просто изучал много разных профессий, вот и всё. Шеф-повар, кулинарный критик... в какой-то момент я хотел стать игроком в бильярд, но на самом деле это невозможно. Я хотел заниматься чем-нибудь нескучным, поэтому перепробовал много всего.

— Это так удивительно. Ты многое умеешь гораздо лучше, чем я.

Мне кажется, она на меня пялилась. Я чувствовал её внимание к себе. В её голосе также стало гораздо больше... стремления. Она звучала замороженно. Я не мог не улыбнуться.

— Ты удивишься, чему можно научиться, если над этим работать. Забудь о готовке... Однажды я разобрал и собрал старый компьютер своими руками. Это... сложное устройство.

— Я не знаю. У меня... у меня только класс [Фермера].

Вот опять. Класс? Я нахмурился.

— Класс? Ты имеешь в виду работу? Что тебе назначают работу?

— Нет. Я просто [Фермер]. 6-го Уровня. В вашем мире нет классов?

— Ох, ничего себе.

Это очевидно? Неужели я не заметил этого, потому что не могу видеть? Но Дюрен уверила меня, что у неё нет класса и уровня, которые плавают над её головой, как в ММОРПГ. Несмотря на это, мой разум был потрясён, потому что теперь я осознал, что нахожусь в видеоигре. Или в чём-то похожем на видеоигру.

— То есть, вы играли в игры с судьбами людей?

— Нет! Всё это было только понарошку. Но это в точности похоже на то, как ты описываешь свой мир.

— Ох.

Мы сидели вместе, в её саду, и разговаривали. К этому моменту мы с Дюрен сблизилась достаточно, чтобы садиться ближе, чем раньше. И да, она высокая. Я сам не коротышка; мой рост составляет около 184 см, или около 6'1" для людей, использующих ужасную американскую систему измерения, но Дюрен, как минимум, на голову выше меня. Возможно, даже больше; она горбилась, когда мы разговаривали.

Она просто огромная. И осознаёт это; относится ко мне, как к стеклянному, даже больше, чем люди, которые просто знали, что я слепой. Но я благодарен ей за это; мне кажется, что мне составляет компанию великан.

Хм. Великан?

Последняя деталь: кожа Дюрен грубее, чем нормальная. Внутренняя сторона её ладони довольно гладкая, если не считать мозолей, но несколько раз, когда я прикасался к внешней стороне её рук, её кожа казалась удивительно грубой и даже местами потрескалась.

Странно. Но она прекрасный слушатель, и мы просидели вместе до глубокой ночи. Я рассказывал ей истории, а она рассказывала мне об этом мире. О магии, авантюристах и игровой системе.

На ужин в тот вечер были маринованные грибы, опять же приготовленные благодаря моему марафону с просмотром видео от Рамзи. Хорошо, что я помню так много вегетарианских блюд; Дюрен любит есть мясо, но, видимо, для неё это редкий деликатес, несмотря на свиней, с которыми она меня сегодня познакомила.

У нас не было уксуса, у Дюрен имелся прекрасный сад, и всё в нём настолько качественное, что и приправы почти не нужны. Свежая вода из ручья завершила трапезу, и Дюрен съела в четыре раза больше, чем я. Хорошо, что мы приготовили много.

Иногда я жалею, что не могу видеть. Я не представляю, на что это было бы похоже, и обычно меня это не волнует. Но когда у меня плохой день, или я расстроен и хочу, чтобы всё было проще, я мечтаю видеть.

Но сейчас я просто хотел бы увидеть её лицо. Хотя, кажется, Дюрен его стесняется.

Интересно, почему? Я задавался этим вопросом, когда укладывался в её постель и слушал, как она храпела снаружи.

Как минимум, я знаю, что она не тролль. Те, что из «Хоббита», по утрам превращались в камень, так ведь? Может, люди в этом мире просто вырастают очень большими?

Может быть. Но она всё равно хороший человек, независимо от этого.

День 3

Оказывается, одна из одержимостей Дюрен – рыба. Оно и понятно: она не может поймать

много дичи, а своих свиней она скорее продаст, чем съест. Курятину она иногда готовила, после того, как одна из кур умирала. Но, как я заметил, ей плохо удавались даже самые простые блюда.

А рыба? С рыбой трудно ошибиться, и у Дюрен была грубая удочка, которой она почти каждый день пыталась поймать рыбу в ручье. По всей видимости, у неё получалось плохо, и я довольно быстро понял, почему.

— Тебе нужна наживка, которая извивается. Лучше всего черви. И ты слишком часто двигаешь удочку. Дай рыбе клюнуть, прежде чем вытаскивать её из воды. Видишь? Ключ – это терпение.

Это удивительно, но никто никогда не учил Дюрен этому, и она очень внимательно наблюдала за моей рыбалкой. Я чувствовал...

Я чувствовал себя счастливым от того, что обучал её, и досаду, что никто никогда не учил её чему-то настолько простому. Неужели люди в её деревне не умеют ловить рыбу?

Или есть другие причины? Почему же она живёт одна?

Половину ответа я получил после того, как, к радости Дюрен, вытащил из ручья вторую маленькую рыбёшку. Я услышал голоса, смех; шум нескольких детей. А потом я расслышал их слова:

— Уродина! Выходи, уродина!

Сидящая рядом со мной на траве Дюрен застыла. Я тоже замер, не успев наполнить из ручья грубую глиняную кружку, которую она дала мне.

— Где она? Уродина!

Я услышал весёлый смех, беготню и крики радости, противоречащие словам и тону детских голосов. Им не потребовалось много времени, чтобы найти нас.

— Уродина! Уродливая уродина! Ур... Кто это?

Я повернул голову, когда звуки бегущих ног прекратились. Я насчитал... шесть детей? Все юные; вероятно, им около десяти. В основном мальчики, хотя я точно слышал один девичий голос. Они выдержали неуверенную паузу.

— Это Лейкен. Он иноземец в этих краях, — попыталась объяснить Дюрен.

Я улыбнулся и представился. Но как только дети узнали, что я слепой, всякая почтительность испарилась.

— Он слепой!

— Урод! Уродина нашла такого же друга!

— Уроды!

Здесь что-то в воде, или они по себе такие? Я нахмурился.

— Это не то слово, которое вы должны использовать в отношении Дюрен.

— Но она же уродка! — запротестовал один из мальчишек.

Затем я услышал вскрик и девичий голос:

— Я думаю, он не знает. Он её не видит!

— Точно!

Больше восклицаний.

— Вы должны бежать, мистер! Дюрен съест ваше сердце!

— Нет, я этого не сделаю!

— Ааа! Бегите от этой уродины! Она сошла с ума!

Дюрен с тревогой встала, и тут я услышал её вскрик. Кто-то бросил в неё камень! Я услышал, как он упал в ручей.

— Поешь грязи, уродина!

Ладно, это был комок грязи. Вот прилетел ещё один. Дюрен ничего не делала, чтобы защититься, поэтому встал я. У меня в руках кружка с водой. На секунду у меня возникло искушение швырнуть её, но... это было бы неправильно. Дети затихли. Что мне сказать?

— Приятно со всеми вами познакомиться. Ваше здоровье, приятели.

Я отсалютовал кружкой в их сторону и отпил из неё. Честно говоря, на вкус вода отдавала глиной. Я открыл глаза и уставился на детей, вернее, как я надеялся, хотя бы в их направлении.

— А теперь свалите отсюда.

Тишина. Моё лицо неподвижно. Я никогда не пялился никому в глаза, в основном потому, что банально буду смотреть не туда, и в любом случае я едва могу долго держать глаза открытыми для гляделок. Мои глаза ничего не видят, но они всё равно слезятся.

Но я неплохо умел стоять неподвижно и сохранять спокойствие. А вот дети – нет. Ещё спустя несколько секунд я услышал, как они отступили.

Я снова сел рядом с Дюрен. Она дрожала.

— Ты в порядке?

Я сохранял лёгкий тон, потянувшись за удочкой. Я не смог её найти, но затем Дюрен молча вложила её мне в руки.

— Знаешь, однажды я встретил австралийского парня, который мог заставить фразу «ваше здоровье» звучать как угрозу. Он сказал это группе солдат, которые приставали к нам, и... ну, это выражение не всегда проявление вежливости. Всё дело в нюансах, понимаешь? [1]

— Правда?

Её голос дрожал, но в нём звучало любопытство. Я кивнул и улыбнулся, после чего, спустя долгое мгновение тишины, я услышал, как Дюрен сглотнула.

— Я... прости. То, что они сказали...

— ...Меня абсолютно не волнует. Эти маленькие придурки всё равно вели себя несносно. Они к тебе часто пристают?

Дюрен какое-то время молчала. [2]

— Иногда. Точнее, они иногда приходят, но ничего не делают, только всяким бросаются.

— Например, камнями?

А в ответ молчание. Я прочистил горло.

— Они жалкие маленькие монстры; не слушай их. В любом случае, они просто дети, разве нет? Разве ты не можешь их прогнать?

— Я не могу этого сделать! Я могу кого-то ранить, и тогда...

Она звучала искренне потрясённой. И напуганной. Боится толпы стереотипных фермеров с вилами? Но такой страх не может появиться на пустом месте. Может быть, она права, что ведёт себя пассивно.

— Мне жаль, если из-за этого у тебя будут неприятности, но я не мог стоять в стороне и позволять им тебя унижать.

— Всё в порядке. Думаю. Да, волноваться не о чём. Но я удивлена, что ты не сильно разозлился, когда они тебя обозвали уродом. Ты ведь не такой.

Опять же, её тон сказал мне о... чём? О депрессии? Самооценка у неё слишком низкая, это безусловно. Но я собрал ещё не все подсказки, даже если я и узнал большую часть того, что происходит. Что касается меня... Я пожал плечами.

— Раньше я был гораздо вспыльчивее. Но сейчас я стал спокойнее, не так часто выхожу из себя. Меня тоже обзывали.

— Правда?

Я снова улыбнулся, но на этот раз кривой улыбкой.

— Всех обзывали. Я просто был более лёгкой мишенью, потому что не мог ничего увидеть заранее. Но опять же, я понимаю. Когда ты ребёнок, всё странное - мишень. Всё, что отличается или пугает... Легче выкрикивать оскорбления, чем узнать человека. Это, конечно, не значит, что я считаю поступок этих сопляков правильным. В следующий раз, когда один из них будет обзываться, стукни его. Или просто обзывайся в ответ.

— Я не могу никого ударить! И у меня плохо получаются оскорбления.

— Что? Оскорбления - это просто. Давай, попробуй. Обзови меня как-нибудь.

— Я... я не знаю. Как их вообще назвать?

— Набухшие прыщи? Жалкие жопошляпы? Трусливые грибы? Оскорбления могут быть какими угодно.

Смех, который вырвался у Дюрен, был больше похож на лай, но он был искренним и настоящим.

— Скажу тебе вот что. Давай зажарим эту рыбу, и я научу тебя нескольким очень язвительным оскорблениям, о которых я слышал, хорошо? Хотя, возможно, тебе стоит заткнуть уши: некоторые из них могут заставить покраснеть и матроса.

Она восхищённо засмеялась, и я снова улыбнулся. Несмотря на несносных детей, сегодня был отличный день. И рыба на этот раз даже не подгорела.

День 5

Я обнаружил, что день за днём я практически всё своё время с удовольствием проводил с Дюрен. Она открытый человек, с ней легко разговаривать; ей больше нравится слушать, чем говорить самой, но она могла разложить этот странный мир на понятные для меня фрагменты.

Она как раз вела для меня урок истории, посвященный какой-то местной версии Александра Македонского, когда я услышал крик. На этот раз я был готов к появлению детей, но, к моему удивлению, прибежал только один.

— Дюрен! Повозка потеряла колесо! Па сказал, иди и подними её!

— Что? Повозка? Уже иду!

Дюрен вскочила на ноги с удивительной ловкостью, но затем помедлила.

— Я должна пойти помочь, Лейкен. Ты будешь в порядке один? Я могу отвести тебя туда...

— Всё хорошо. Иди. Я буду в порядке до твоего возвращения.

Опять же, слепой - не значит фарфоровый. Я позволил Дюрен убежать с ребёнком и задумался, что делать. Спустя двадцать минут Дюрен вернулась в коттедж и начала меня искать.

Я ловил рыбу.

— Дюрен. Ты вернулась. Всё в порядке?

От неё пахло сеном и ещё каким-то животным запахом. И ещё немного мускусным запахом, который, вероятно, был её потом. Я услышал, как она одним прыжком перемахнула через ручей.

— Всё хорошо. Я только помогла мистеру Просту с его повозкой. У колеса сломалась ось, поэтому он попросил Финнона сходить за мной.

— Хм. Они всегда обращаются к тебе за помощью? Мне кажется, чтобы сдвинуть с места сломанную повозку, нужна целая команда людей.

Она заёрзала рядом со мной. Неловко? Даже не видя чьего-то лица, определить, что они что-то скрывают удивительно легко.

— Ох... Это было не так уж сложно. Мне просто пришлось помочь немного её приподнять, вот и всё.

Она даже не звучала уставшей. Но она убежала и вернулась за десять минут и, при этом, помогла фермеру поставить новое колесо на повозку?

Странно. Странно, странно, странно, странно...

— Значит, ты часто занимаешься ремонтом? От этого немало пользы.

— Ну, у меня нет класса. Но если им нужна помощь что-то поднять или, знаешь, возвести сарай...

— Понятно. Так насколько серьёзная там была поломка?

— Им придётся чинить повозку позже, но похоже, что сломалась только ось. Я просто вернула повозку в их дом, чтобы они могли дать отдохнуть старой Эвере. Это их пахотная лошадь, и она быстро устаёт.

Итак, она протащила повозку, которая, может быть, а может и нет, была полна груза, на неопределённое расстояние. Хм.

Возможно, дело просто в её классе. Дюрен сказала, что она [Фермер] 6-го Уровня, но у неё уже есть один навык [Повышенная Сила]. Очевидно, это делало её намного сильнее, чем обычно; когда я попросил её продемонстрировать, она подняла меня одной рукой, словно я был пёрышком.

Но её кожа? И то, что говорили те дети? Что это может...

Ба. Я что, детектив? Ответ - нет, потому что я едва могу разгадать загадку Шерлока Холмса, не говоря уже о том, чтобы разгадывать эти дурацкие запутанные головоломки. И Дюрен заслуживает уважения как минимум от меня, если не от кого-то другого.

Она сама мне расскажет, когда будет готова.

День 6

— Мне нужен класс.

Вот что я сказал Дюрен, когда она проснулась. Я вставал раньше неё; не то чтобы мы оба подолгу спали. На самом деле мы оба ранние пташки, хотя я, по понятным причинам, работаю в темноте так же хорошо, как и при свете.

Но мне нравится слушать пение птиц и чувствовать солнечный свет на моём лице. Я не против расслабиться на часок-другой по утрам. Как однажды сказала мне Зои, я самый спокойный слепой парень, которого она знает, хотя стоит сказать, что я единственный слепой парень, которого она знает. Она ещё знает слепую девушку... Терезу, но мы с ней не ладим.

Ненавижу Терезу.

Дюрен долго молчала, когда я сказал о классе. Сегодня утром мы сделали оладьи и добавили немного лесных ягод, но теперь она перестала их есть.

— Почему?

— Разве не так все поступают в этом мире? Ты сказала мне, что у всех, кого ты знаешь, есть класс.

— Это правда. Но...

Я ждал, но никакого продолжения не последовало. Я дал объяснения, пытаюсь понять, что её расстроило:

— Я много думал об этом, и чтобы выжить в этом мире, мне нужен класс. Я не могу вечно полагаться только на твою доброжелательность.

— Но ведь класс... Это значит, что ты пойдёшь и найдешь работу? Ты... уйдёшь.

Ох. Ох. Чувствую себя идиотом.

— Я не хочу быть обузой, Дюрен. Я и так заставляю тебя спать на улице, и теперь тебе придётся кормить два рта.

— Это не проблема!

Стол сдвинулся вместе с Дюрен. Она извинилась, а затем её тон изменился, став более умоляющим:

— Я не против спать на траве! Не против! И ты ешь намного меньше, чем я. Я не против, чтобы ты остался! Мне... нравится, когда ты рядом.

Что мне сказать? Что мне делать? Что бы это ни было, это должно быть что-то, что не разобьет её нежное сердце.

— Ты знаешь, что у меня есть дом, Дюрен, и семья. Они, наверное, очень волнуются за меня. Я хочу вернуться к ним.

Я почти чувствовал, как она осела на другом конце стола. Я прокашлялся и продолжил:

— Но мне нравится быть здесь с тобой. Если ты уверена, что я не буду обузой, я с удовольствием останусь здесь. Я просто упомянул о классе, потому что они просто восхитительны.

— Ты останешься здесь? Ты уверен?

Её голос был не столько жалок, сколько полон надежды. Это душераздирающе. Кто покинул эту девушку? Я кивнул.

— Сомневаюсь, что в этом мире найдётся много работы для слепого человека. Разве что я смогу научиться магии? Я бы с удовольствием.

— Не знаю. Я слышала о книгах заклинаний, но не знаю, учатся ли маги каким-то другим способом.

Я со слегка возмущённым лицом ел оладьи. Даже в этом мире мне будет мешать отсутствие книг со шрифтом Брайля? И я очень сомневаюсь, что здесь можно найти аудио книги заклинаний.

— Что ж, эта идея отпадает. Может к вечеру появятся другие.

Идея у меня появилась гораздо раньше. Я озвучил её Дюрен, когда помогал ей мыть керамическую посуду. Она не пользовалась мылом, но горячая вода хорошо делала своё дело. Дюрен переносила жар гораздо лучше, чем я, но руки у неё более неуклюжие, поэтому мы оба работали медленно.

— Почему бы тебе не показать мне деревню?

Дюрен едва не выронила чашку, которую держала в руках. Я вовремя толкнул её обратно в ведро с водой, когда та забрызгала мне всю одежду.

— Что не так? Я не представился, и я уверен, что им интересно узнать обо мне.

— Я... Мне бы не хотелось тебя напрягать.

— Всё в порядке. Мне нравится знакомиться с людьми. Кроме того, рано или поздно я всё равно с ними встречу, так ведь?

— Наверное.

День 8

Прошло ещё два дня, прежде чем мне удалось убедить Дюрен взять меня с собой в деревню. Она сопротивлялась, упиралась... Думаю не столько из-за нежелания посещать деревню, сколько из-за страха перед тем, как ко мне отнесутся жители.

И как жители ко мне отнеслись?

С добротой.

О, они знали, что в доме Дюрен поселился незнакомец, но никто не приходил посмотреть. Думаю, опаски у них было больше, чем любопытства, да и сама Дюрен могла сказать им, чтобы они держались подальше. Мы не круглосуточно были вместе; она несколько раз ходила в деревню до того, как привести меня туда, и я мог только предполагать, что сделаня предметом сплетен.

Когда Дюрен, наконец, впустила меня в деревню, я услышал немного бурчания, но Прост, [Фермер], которому Дюрен помогла несколько дней назад, первым пожал мне руку.

— У тебя хорошая хватка, сынок. Из тебя вышел бы славный фермер.

— Ах, но я бы постоянно путал корову с быком, а это ни для кого не закончилось бы хорошо, не так ли?

Шутка, смех, и вот я превратился из пугающего неизвестного в кого-то контактного, даже симпатичного. Одна мать шлёпнула своего сына за то, что он меня обзывал, и вскоре я представился как путешественник издалека, которого сбило с пути заклинание, отчего я теперь полагаюсь на помощь Дюрен.

Эта небольшая выдумка была хорошо встречена всеми жителями деревни, но позже Прост отвёл меня в сторону, пока Дюрен помогала одному из фермеров поднять несколько бочонков.

— Я не стану много говорить о Дюрен... Она хорошая помощница в трудную минуту, но она немного...

— Мне она кажется милой, нормальной девушкой. Вы ведь согласны?

Я мгновенно его заткнул. Не хочу знать. Не от него. Ни от кого, кроме Дюрен, которая сама решится мне всё рассказать. На этом разговор прервался; несколько мгновений все чувствовали себя неловко, пока я не начал спрашивать о здешнем фермерстве. Оказывается, местные фермеры выращивали довольно разнообразные культуры, и они были в восторге, когда я рассказал о теплицах и севообороте. Некоторые высокоуровневые [Фермеры] обладали Навыками, приближенными к этим эффектам, и вскоре я уже давал туманные советы по технике земледелия, которую я наполовину забыл. Жаль, что я не мог дать им комбайн.

Дюрен сначала беспокойно крутилась вокруг меня, но со временем расслабилась. Другие жители деревни относились к ней хорошо... я думаю. Они принесли ей огромную кружку молока, и она помогла оттащить огромное упавшее дерево с дороги, но...

Мы покинули деревню спустя несколько часов, при этом я получил приглашения от разных семей поехать и поговорить. Я мог рассказать истории о местах, где я побывал, опуская те части, которые они не поймут, так что в этой маленькой деревне я – эквивалент знаменитости или новинки.

Жителям деревни я понравился. Думаю, я могу сказать это с уверенностью. Они считали меня добрым, обаятельным и, если быть откровенным, сумасшедшим. Однако, несмотря на это, жена фермера Проста, Есель, дала мне корзину, полную всякого добра, чтобы я отнес её в дом Дюрен... Вернее, она вручила её Дюрен. В тот день я познакомился с большим количеством людей, и, в целом, всё прошло успешно.

Мне было только интересно, почему Дюрен им не нравится? Или, может быть, это не неприязнь? Она явно знает их всю свою жизнь. Но между ней и ними стоит стена, и как бы доброжелательно ни относились к ней жители деревни, как бы она ни старалась быть как можно более услужливой и кроткой, они всё равно держались от неё на расстоянии. Я слышал это в их тоне и наблюдал за этим из их действий.

Это заставило меня ненавидеть их, самую малость.

День 11

Я проснулся, зная, какой у меня будет класс. Я так волновался, что во время завтрака чуть не положил руку на сковородку от рассеянности. Я сообщил свою идею Дюрен, пока мы ели сыр, поджаренный на яичнице; никто из нас двоих не умел делать омлет.

— Думаю, я стану [Императором]. Ты не знаешь, нужно ли мне об этом заявить? Или просто нужно сделать что-то, что даст мне класс?

Дюрен подавилась яичницей, и мне пришлось некоторое время слушать, как она откашливалась, прежде чем выдать из себя связные слова:

— Это невозможно! Лейкен! Что ты такое говоришь?

— Я собираюсь стать [Императором]. Кажется, это самый простой класс для меня, и, возможно, я получу некоторые полезные навыки.

Честно говоря, это был первый класс, который пришёл мне в голову как приемлемый вариант. Но Дерен сказала мне, что это невозможно. Я сказал ей, что она ошибается.

— Ты можешь стать [Императором], Дюрен. Ты можешь, и я могу.

— Это невозможно! Для этого... тебе нужно королевство, и дворец, и белый конь, и... и...

Её голос прервался, не в силах даже описать мою глупость. Я мог только улыбаться.

— Но это возможно, Дюрен. Я знаю об одном человеке, обычном человеке, который стал императором. Стал, пусть он и был беден, и у него не было ни дворца, ни коня.

— Правда? Кто?

В её голосе в равной степени смешались как скепсис, так и любопытство с желанием узнать. Ей всегда нравились истории из моего мира. Это вызвало ухмылку на моём лице, когда я заговорил:

— Он был известен как Император Америки Нортон I. Он был реальным человеком, который стал Императором, просто объявив себя им. Мне всегда нравилась его история.

— Императором? Но ты говорил, что в Америке нет правителей. Только кто-то с классом [Президента].

Мои объяснения о том, как устроен мой мир, возможно, были восприняты немного сумбурно. Я покачал головой.

— Это так. Но Нортону было плевать на правила. Однажды он объявил себя Императором. И он жил и умер, действуя как Император.

Это удивительная история, но мне трудно облечь её в слова. Как я мог объяснить Дюрен историю Джошуа Нортон, неудачливого бизнесмена, который однажды проснулся и разослал письма во все газеты Сан-Франциско, провозгласив себя Императором Соединённых Штатов?

Ну, в общем-то, примерно так:

— Он издавал прокламации и рассылал приказы армии - ни один из которых так и не был исполнен - и даже создал собственные деньги. Я знаю, что это звучит смешно, Дюрен, и готов поспорить, что ты сейчас улыбаешься, но вот в чём безумие: это сработало! Люди позволили ему называть себя Императором, а со временем стали относиться к нему как к таковому.

— Да нет.

— Начали. Не все, разумеется, но в конце концов он создал собственную валюту и стал известен всему городу. Жители Сан-Франциско принимали его деньги, он обедал в лучших ресторанах и ходил на знаменитые спектакли в театр, где для него специально держали место. Когда он умер, на его похороны пришло более тридцати тысяч человек.

Дюрен слушала молча, с восторженным вниманием. Я и сам мог себе это только вообразить.

Его история ещё давным-давно захватила моё сердце.

— Некоторые говорят, что он был сумасшедшим. Возможно, так оно и было; честно говоря, скорее всего, оно точно так и было. Но он также осмелился мечтать. И это то, что меня всегда в нём восхищало.

Он осмелился мечтать. Есть вещи и похуже, которыми можно запомниться. И в отличие от богатых бизнесменов, знаменитых звёзд и политиков того времени, Нортон I всё ещё отмечен в истории как первый и единственный Император Соединённых Штатов. Для большинства это может показаться смешным, но я думаю, что в конечном итоге он смеялся последним.

— Если один человек смог объявить себя Императором, я не вижу причин, почему я не могу последовать его примеру. Короли могут рождаться, чтобы править, но первые короли были просто людьми с армией, которые сделали себе короны. У меня может не быть ни армии, ни короны, но попробовать стоит.

— Может быть.

Как бы ни впечатлила её эта история, я слышал сомнение, которое сочилось из каждого слова Дюрен. Но я только усмехнулся.

— Я нахожусь в другом мире, Дюрен, и, судя по тому, что ты рассказала, здесь правят классы. Если я могу, то почему бы не взять один из лучших? Итак. Ты можешь быть моим свидетелем.

Я резко встал, молясь, чтобы ничего случайно не задеть и сделал величественный жест.

— Слушай же мои слова, дабы они были переданы потомкам. В сей день я, Лейкен Годарт, объявляю себя Императором Незримого, суверенным владыкой и правителем всего, что пред моими очами. И не только лишь Императором; я также объявляю себя защитником Дома Дюрен.

Я на секунду задержался в этой позе, а затем услышал, как Дюрен захихикала. С её глубоким голосом это звучало потрясающе. Я улыбнулся и сел обратно.

— Ты не можешь так делать! Что, если бы кто-то тебя услышал?

— Ну, тогда я бы потребовал, чтобы они проявили ко мне должное уважение, которого я заслуживаю. И спросил бы налоги. Полагаю, ты должна мне десятину. Как твой [Император] я требую твой лучший оладий.

Хихикая, словно девочка, Дюрен передала мне один. Я съел его с триумфальным видом и рассказал ей ещё несколько шуток, которые вызвали у неё смех.

И это хорошо. Одно это стоило этой безумной попытки. Но когда я засыпал этой ночью, я не мог не думать о том, что было бы здорово, если бы я действительно мог стать [Императором]. Я бы сделал мир лучше, или, по крайней мере, попытался бы это сделать.

Я хотел бы слышать смех Дюрен чаще и сделать так, чтобы ей никогда больше не приходилось плакать во сне.

В своём сердце, когда я позволил сну овладеть мной, я верил, что могу это сделать. Я верил. Это то, чему я научился. Я верил, что могу быть чем-то большим, чем люди от меня ожидают.

Мои глаза закрылись. Я выдохнул. И тут я услышал голос в своём сознании.

[Получен Класс Император!]

[Император Уровень 1!]

[Навык - Аура Императора получен!]

— Das war ja einfach!

День 12

Дюрен в панике; я спокоен.

Вроде как спокоен. Я с ума схожу, но в хорошем смысле. Дюрен просто сходит с ума.

Я моргнул, когда она пронеслась мимо меня, едва не наступив мне на ногу. Её голос звучал напряженно:

— Этого не может быть! У тебя нет никакой богатой одежды! Как ты можешь быть... быть... [Императором]? В этом нет никакого смысла!

Я не знаю. Но в то же время я знаю. Я выпрямился. Я не мог сказать, как работает этот новый Навык, который я получил, но я чувствовал себя немного... по-другому. Немного более уверенным в себе. Я был прав. Я мечтал, и я был прав.

— Дюрен. Разве [Император] определяется только одеждой? В конце концов, король в лохмотьях всё равно остаётся королём. Это может показаться глупым, но я думаю, что в этом мире разумные становятся тем, во что они верят. Ты не стала [Поваром], потому что не думала, что можешь им стать. Но я? Я думаю, что могу сделать всё, что захочу. И я думаю, что ты тоже сможешь.

Она остановилась на середине шага. Я чувствовал, что она на меня смотрит.

— Я... Мне нужно идти. Мне нужно... выйти.

Она практически выбила дверь, пытаясь выйти. Я же сидел в её доме и думал, пытаясь понять, что это значит. Это значит что-то. Что может делать [Император]? Что могут делать мои навыки? Есть ли в этом хоть какая-то польза? Как я могу попасть домой?

Я хочу когда-нибудь вернуться домой. Даже если Дюрен здесь, я...

Мне нужно снова найти свою семью.

Когда дверь снова открылась, внутрь вошла молчаливая и уже не паникующая Дюрен. Она избегала темы моего класса, и я тоже, по крайней мере, на некоторое время.

— У тебя хороший дом, Дюрен. Но я бы хотел когда-нибудь посетить большой посёлок или город.

Она помедлила.

— Я... я тоже хочу. Но есть сложность...

Я не спросил какая. Вместо этого я просто кивнул.

— Ты говорила, что в этом мире есть другие континенты, наполненные самыми разными видами.

— ...Да.

— Где мы? На каком континенте находимся мы?

— Изрил. Мы в Изриле.

— Хм. Звучит почти знакомо.

Примечания:

[1] - Так как Лейкен использовал слово «cheers», то здесь он объяснял его значение. При переводе смысл объяснений теряется, поэтому часть связанного с этим диалога тоже пропала.

[2] - Здесь Лейкен использовал слово «wankers», что немного позабавило Дюрен и заставило его поразмышлять, что знание многих культур помогает расширить разнообразие ругательств.

<http://tl.rulate.ru/book/2954/2846287>